

Часть 2

По прошествии целой вечности урок современного языка наконец закончился.

Прямо перед тем, как выйти, учитель, Сирояма Кохару, свернула пачку бумаги и постучала ей Сорате по голове, отчего он проснулся.

— Не спи так открыто, когда сидишь в первом ряду.

Эта учительница современного японского выпустилась одновременно с Тихиро и вела себя так, словно она — дурашливая старшая сестра. Из-за этого некоторые девочки её недолюбливали, хотя парни наоборот, поддерживали её.

В школе её постоянно видели вместе с Тихиро, и парочка стала известной. Ненадёжная Кохару вечно водила за нос Тихиро, и ученики из-за этого считали последнюю «надёжной». Но Сората с ними не соглашался.

— Сэнсэй напевала такую приятную колыбельную, я просто не мог сопротивляться ей...

— Ты единственный человек во всём классе, не определившийся с планами на будущее, и ты смеешь говорить что-то подобное. Я сообщу о тебе Тихиро.

Щёки Кохару загорелись, и она вышла из класса.

У Сораты не оставалось сил даже на то, чтобы проводить её взглядом, и он рухнул на стол.

— Я так устал...

— Канда-кун, ты такой зануда. Можешь хотя бы рядом со мной не говорить таких заунывных вещей? А то и мне становится уныло.

Это заявление сделала одноклассница Сораты, Аояма Нанами, которая с прошлого года ходила с ним в один класс. Она выделялась из толпы как тоном речи, так и внешностью. Она заработала славу идеального ученика, и если сравнивать её с кошкой, то на ум приходит только абиссинская. Её рост составлял 158 сантиметров. Вес был неизвестен. Её размеры, согласно Дзину, 81, 58, 83.

Сидела она за партой номер 1. Далее шли Акасака, Асано, Икута, Огикуба, Кавасаки и, наконец, номер семь, Канда Сората. Парты расставили в классе 6 на 6, и в конечном итоге он сидел в первом ряду, рядом с Нанами. Почти как год назад.

Нанами глянула на Сорату настолько недовольным взглядом, что парень приготовился к новому потоку жалоб.

— Эх.

— Эхать запрещено.

— Класс — одно из немногих мест, где я могу прилечь. Пожалей меня, лады?

— Это уже тридцать шестой раз.

— Чё?

— Эх.

— Аояма, ты, что ли, заядлый сталкер?

— Я взломаю тебя.

— Нормальные люди никогда не сказали бы, что взломают кого-то.

— Я-я знаю.

Общежития Старшей школы Суймэй приютили учеников со всей страны, включая Аояму, которая приехала из Осаки. Почти половина класса состояла из приезжих, которые поступили благодаря своим баллам.

Если Нанами говорила естественно, акцент начинал выдавать её, ровно как и год назад. Но так как она хотела усовершенствовать свою интонацию, то пыталась скрыть акцент. Поскольку она нацелилась стать сэйю, управление дикцией составляло основу основ. За этот год манера её речи не сильно изменилась, но она уже привыкла произносить отдельные слова без акцента. По выходным она посещала дополнительные курсы рядом с налоговым центром, и, казалось, она также проходила обучение и в других областях.

— Лучше «я шлёпну тебя», — предложил Сората.

— Завязывай уже!

— Как ни крути, девушки порой несут околесицу.

— Больно много болтаешь. Разве ты не забыл написать о своей будущей карьере?

— Ну да, моё уважение. Взяла и написала про кружок драматургии так, словно расписалась в обычной квитанции.

— Как ты смеешь взирать на меня свысока!

Девушка внимательно к нему присмотрелась. Он явно говорил с настоящим, непритворным уважением.

— И это, сколько ещё Канда-кун собирается оставаться в Сакурасо?

— Хотел бы сам знать.

— Если не поторопишься, будет слишком поздно.

Кстати говоря, уже было слишком поздно. Ещё слишком свежа память о том, как он сидел в столовой, словно панда в клетке, и все вокруг уставились на него и Масиро. В тот момент народ узнал, что Сората имеет отношение к Сакурасо, и новость об этом быстро разлетелась по всей школе. Ничего странного в том, что Сорате хотелось эхать.

— Я предупредила тебя.

В классе к нему ещё относились нормально лишь благодаря таким людям, как Нанами, которые водились с ним с первого года и продолжали до сих пор общаться. Он хотел

поблагодарить их.

В общем, Сората сложил ладони вместе и пал ниц перед Нанами.

— Что? Ты что, играешь со мной?

Ледяные глаза Нанами уставились на Сорату.

— Нет, я лишь хочу выразить свою благодарность.

— Если будешь вытворять слишком много странных вещей, не удивляйся, когда люди скажут: «Неудивительно, что он из Сакурасо».

Будет очень плохо, если дойдёт до такого. Но Сората продолжал держать руки перед собой.

А Нанами продолжала смотреть на него ледяным взглядом.

— И чего уставился?

— Я просто думаю, стоит ли у тебя что-нибудь попросить.

— А какой смысл мне на такие вопросы отвечать?

— Просто шучу. Очевидно же, что должен.

— Ты идиотом притворяешься?!

— Иногда я буду изображать дурня. Если же буду изображать цуккоми слишком много, то может пострадать моя психика.

— Да кому нужна твоя психика? Чего тебе от меня надо?

— У Мисаки-сэмпай есть к тебе просьба.

— Раз ты так говоришь, то она доделала свою последнюю работу?

— Только анимацию.

— И как она?

— У неё и правда проблемы с головой. Вышло настолько хорошо, что меня даже на озноб пробило.

— Понятно... Да, я бы хотела озвучить её... Я бы очень хотела, но...

В её голосе почувствовалось намерение дать отказ.

— Если не хочешь, просто откажись, этого будет достаточно.

— Нет, я и правда хочу сделать это. Прямо как в тот раз. Если бы меня здесь не оказалось, то нам никогда не выпал бы такой шанс.

Нанами была частью команды Мисаки по производству DVD, который продан числом сто тысяч копий. Конечно, она также просила о помощи и сэмпай из университетского

драматического кружка.

— Просто немного...

— Немного что?

— Я сомневаюсь, что у меня и правда получится. Не слишком ли много внимания мне уделяют?

— Если Мисаки-сэмпай уже просила Нанами, то почему бы и нет?

— На самом деле я понятия не имею, как разговаривать с Камигусой-сэмпай, и как она режиссирует. Ты будешь переводить её слова для меня?

— И когда это я стал переводчиком?

— Ты не пойдёшь?

— Нет, я приду.

— Тогда можешь побыть переводчиком.

— Да, да. Всё верно. Я отправлю ей ответ, ладно?

— Да, если не трудно.

— Я расскажу ей прямо сейчас.

Сората достал свой телефон и...

— Я люблю тебя!

Сообщение Мисаки сопровождалось военной песней про солдата, которого повысили в звании. Сората ответил ей.

— Давай расстанемся.

После этого он забил на неё. Солдат вновь получил повышение (снова заиграла мелодия). Впустую тратить деньги не хотелось, так что Сората решил больше не отвечать.

Нанами посмотрела на него, будто желая что-то сказать.

— Ты всё ещё таишь на меня злобу?

— Как там Хикари?

— Лучше, чем просто хорошо. Её плечи слегка выросли.

Он показал фотографию на своём телефоне.

— Походу, она стала больше.

Сората провёл с белой кошкой Хикари уже целый год.

Так как он встретил её в середине июня прошлого года, кошка уже привыкла к школе и обществу.

Это произошло после школы, когда возле ворот нашли брошенных кошек. Куча учеников столпилась вокруг, говоря «Как мило!» или «Как жалко!», но никто не собирался помогать им.

Так совпало, что в этот момент мимо шёл Сората в компании Нанами.

Когда толпа людей разговаривает про брошенных кошек, Сорате тут же становится не по себе. Чтобы успокоиться, он взял их с собой в общежитие.

Он никогда бы не подумал, что из-за этого его оттуда выпнут.

— Передай мне.

Без согласия Сораты она воспользовалась инфракрасным портом на его мобильном и умыкнула фотографию себе.

— Не лапай чужие вещи без разрешения.

— И...

Нанами отвернулась, будто хотела ещё что-то сказать. Тема кошек могла служить лишь приманкой.

— Да?

— Новая студентка.

— О.

— Она в школе?

— Да.

— И как?

— ...

— Почему ты молчишь?

— Я не знаю, что сказать.

— Она симпатичная, да?

— Ага.

— Она очень милая, да? Я недавно мельком увидела её.

— В обычных обстоятельствах так и есть.

— А для Сораты?

— Она словно на голову свалилась.

— Ага. Понятно.

Нанами от скуки водила головой.

— Я пытаюсь сказать, что ничего в этом хорошего нет.

— Можешь не объяснять.

Нанами посмотрела в сторону коридора. Её глаза неожиданно вспыхнули от удивления.

Лежащий на столе Сората тоже посмотрел туда.

Парень, имени которого он не помнил, глядел на него.

— Эй, Канда, кое-кто ищет тебя.

Из-за дурной славы Сакурасо все запомнили имя Сораты.

Из-за спины парня вышла Масиро и пошла к Сорате.

А ему только и оставалось, что крикнуть «Ах!» и усесться в боевой позе.

Просто войдя в класс, она изменила его атмосферу.

Вокруг собралась толпа, образовав небольшой коридор между Соратой и Масиро.

Для тех, кто не знает её, она покажется очень милой переведённой ученицей.

Само по себе появление Масиро стало главной новостью на последующие четыре месяца. Мало того, что она была талантливой художницей, вокруг неё ещё витала такая атмосфера, какую никто никогда в жизни не испытывал. В общем, она не оставляла равнодушным никого. Более того, она жила в Сакурасо.

Но Сорату так никто и не спросил про Масиро, и винить в этом стоило его ауру, которая так и кричала: «Даже не смейте меня спрашивать».

Нанами первая заговорила с ним о Масиро.

Сиина посмотрела на Сорату.

— Сората, я голодная.

— А? О чём это ты?

— Я хочу баумкухен.

— И зачем ты говоришь об этом мне?

— У тебя его нет?

— Конечно нет!

— Но Рита всегда давала мне один.

— Кто это?!

— Как досадно.

Живот Масиро издал милое «гучи, гучи», и она собралась покинуть класс.

Девушка остановилась у двери и неохотно посмотрела на Сорату.

— Я доверяла тебе.

Взгляды остальных учеников словно обратились иглами, которые тут же пронзили Сорату насквозь.

Масиро шла очень апатично, показывая свою печаль.

Если всё и дальше так пойдёт, то на Сорате останется клеймо холодного и беспощадного парня, и тогда оставшиеся два года в старшей школе утонут в отчаянии. Жизни в Сакурасо и так с головой хватало.

— Хорошо, хорошо! Я понял! Это моя вина!

Он схватил Масиро и выбежал из класса.

— Подожди! Канда! Начинается четвёртый урок!

Когда Нанами напомнила ему, прозвучал звонок. А вместе с ним и живот Масиро.

— Я вернусь так быстро, как смогу, так что придумай для меня какую-нибудь отмазку!

— Не проси меня о таком!

Сората решил пропустить четвёртый урок, чтобы отвести Масиро в буфет.

По голубому небу плыли большие кучевые облака.

Сората и Масиро оказались единственными людьми на крыше школы во время урока.

Он улёгся на длинную скамью. Масиро сидела рядом и, нарезаая баумкухен, по кусочку ела его.

Можно сказать, картина выходила за рамки иллюзии, за рамки воображения, за рамки логики.

Сначала он думал, что нервотрёпка временная, и скоро Масиро начнёт привыкать к новой жизни и новым правилам. Тогда он ещё наивно надеялся на такое.

На него внезапно свалились мысли обо всём произошедшем за две недели.

Если он позволял ей пользоваться стиральной машиной и на секунду отворачивался, то девушка закидывала туда целую пачку порошка, и в итоге комнату до верха заполняли пузыри и пена. Чтобы потом устранить последствия, приходилось реально попотеть. В тот момент Сората очень жалел, что в состав порошка входит детергент.

Если он просил её выдраить ванную, то она промокала до нитки. Парень никак не мог понять, мыла ли она душевую или мылась сама.

Если он отправлял её за покупками, то она тут же терялась, что уже стало нормой. К счастью, Тихиро дала ей телефон с GPS. Но она не ответит, даже если Сората позвонит ей, так что в итоге приходилось за ней идти.

И произошла ещё масса других нервотрёпных ситуаций.

Самой большой проблемой всего этого было то, что Масиро неадекватно себя осознавала.

Она думала, что ничем не отличается от обычных людей.

Кроме того, из-за этого нельзя было заставить её вспомнить о каких-то вещах и привыкнуть к ним.

Каждый день Сората познавал новые истины, а проблемы всё росли и росли, не желая рассасываться.

— Сиина, какой у тебя четвёртый урок?

— Физкультура.

— Разве её можно пропускать?

— Если играют в волейбол, то я лишь могу выучить правила.

— Почему? Плохо себя чувствуешь? Или ты ранена?

— Я не могу поранить пальцы.

Хотя ответ не относился к тем, что легко понять, для Сораты он звучал очень убедительно.

Ведь все эти удивительные работы создали тонкие, белые пальцы Масиро.

— Хотя я думаю, волейбол — это хорошо.

— И?

— Но мой наставник сказал нет.

— Звучит серьёзно.

— Ага. Хотя волейбол звучит серьёзно, мне всё равно нельзя.

Сората хотел сказать, что говорил о совершенно другом, но вместо этого промолчал.

— Рита, которую ты упомянула, кто это?

— Друг.

— Друг из Англии?

Масиро слегка кивнула.

— Вместе жили.

— Должно быть, ты принесла ей немало проблем, да?

— Мне нравится Рита.

— И почему ты никогда не следишь за нашим разговором?!

Сората выпрямился и сел.

— Сиина, ты действительно умеешь рисовать.

— Не особо.

— Нет, правда. Ты знаешь, как рисовать. Я видел работу, за которую ты получила приз. Хотя я ничего не понимаю в искусстве, меня пленила её красота.

— ...

— Если ты обучаешься искусству, не лучше ли было остаться за границей?

— Ага.

— Тогда почему ты вернулась в Японию?

Может быть, это и хорошо, что она вернулась и решила поступить в университет.

Нет, если она и правда хотела в полной мере раскрыть свои навыки, ей было бы лучше остаться за границей.

Масиро взяла последний кусочек баумкухена и положила его в рот, запив чаем с молоком из алюминиевой баночки с трубочкой.

Похоже, нить разговора потерялась окончательно.

И только Сората успел так подумать...

— Я хочу быть мангакой.

Масиро произнесла это очень чётко.

Не «я мечтаю стать мангакой» или «моя цель — стать мангакой».

Она именно хотела быть мангакой.

— ПОЧЕМУ?!

Сората крикнул настолько громко, что сам себя застал врасплох.

Стать мангакой. Не стоило удивляться такому заявлению после утренних эскизов. Однако данный вариант составлял лишь один процент из всех возможных. Причём парню он казался наименее очевидным.

С его точки зрения это было недопустимо.

Масиро привлекала к себе всеобщее внимание в мире искусства, и её талант превосходил всё, что знал Сората.

Даже судья на конкурсе художников разглядел в ней чудо.

Разве этого мало? Масиро уже добилась того, о чём обычные люди не смеют даже мечтать. Для убедительности можно привести то, что она имела уникальный талант, которого лишены все прочие. И почему же она хотела стать какой-то там мангакой?

— Масиро, ты хочешь заниматься и тем, и другим?

Масиро в знак несогласия покачала головой.

— Ты хочешь быть только мангакой?

Теперь она наоборот кивнула.

— Прости, я не понимаю.

Как он и сказал, Сората поднял руки, показывая, что сдаётся, и улёгся на скамью.

— Вы двое! Вы и правда решили пропускать уроки среди бела дня!

Человеком, шумно открывшим дверь на крышу, оказалась Тихиро.

Она стояла рядом с головой лежащего Сораты, сложив руки на груди, и смотрела на него свысока.

— Подождите, сэнсэй, не ходите слишком близко! Я ведь увижу!

Тихиро носила узкую юбку, так что заглянуть по неё было не так просто.

— Возбудиться от каких-то трусиков! Я реально завидую тебе!

— Я точно окаменею, если увижу трусики сэнсэй!

Он запаниковал.

— Перестань говорить глупости и возвращайся на уроки.

Допив чай с молоком, Масиро встала со скамьи.

Она сама пошла в школу.

— Канда тоже.

— Сэнсэй, могу я задать вам вопрос?

— Ну?

— Что Сиина за человек?

Взгляд Сораты последовал за девушкой, которой уже и след простыл, и упёрся в закрывшуюся дверь.

Тихиро повернулась обратно к Сорате и глянула на него так, будто хотела устроить ему тест.

— У меня абсолютно нет идей, о чём она думает.

— Тут я тебе не помощник. Потому что пока ты учился смеяться, плакать и сердиться, она уже рисовала.

— А её семья такая же?

— Её отец был достаточно одарённым, чтобы работать преподавателем в Лондонском Университете Искусств. Но как художник он не особо известен. Её мать также окончила

художественный университет, так что их можно назвать семьёй художников. Сейчас они все в Англии.

— Но ведь даже такая семья не могла её настолько извратить?

— Кто знает. Если бы я научилась выражать мысли через рисунки до того, как через звуки и эмоции, то смогла бы её понять.

Тихиро говорила всё это беспечно, заставив мысли Сораты остановиться.

Иными словами, Сиина Масиро отличалась от других в самой своей основе.

Она жила в мире искусства. Как-то так.

— Именно поэтому она не знает, как смеяться?

— Это тоже талант.

— Стоит ли в таком случае тратить её талант на мангу?

— В этом её проблема, я не знаю.

— Но...

— Я знаю, что ты хочешь сказать, но что с того? Если она станет великой мангакой, разве это так плохо?

— Бьюсь об заклад, её родители приняли эту идею в штыки...

— Пока нет. Потому что она не рассказала им, почему именно переехала в Японию. С виду кажется, будто она учится за границей, чтобы включить культуру Японии в свой репертуар.

— Ого~ Какие безответственные взрослые. Что произойдёт, если они узнают?

— Это не то, о чём ты должен думать. Это проблема Масиро и её семьи. Постой. Скорее, это проблема одной Масиро. Я помогла ей добраться до Японии, но дальнейшее меня не касается, в том числе вопрос о её желании стать мангакой.

— До чего небрежно с вашей стороны.

— Перестань беспокоиться о чужих проблемах и задумайся о своей будущей карьере.

— Ооо, так вы ещё помните.

— Если ты не передашь анкету в ближайшее время, то я получу по голове.

Сората и правда надеялся, что она просто забудет про это.

Чтобы уклониться от её взгляда, он посмотрел на небо. Гигантские куски белых облаков уже разошлись в стороны и исчезли.

— А действительно ли я хочу что-то делать?

Тихиро издала «Гмм» и засмеялась.

— Это всего лишь добровольный опрос, но вот смотрю я на тебя и вижу во всём этом глубокий смысл.

— Ааа? То есть, изначально никакого смысла не было?

— Изначально мы хотели выискивать учеников, которые написали «что угодно, лишь бы быстрее повысили». Такие вот соревнования мы устраиваем среди учителей.

— Эх...

— Когда вырастешь, поймёшь. «Лишь бы» превращается в «лишь бы побыстрее накатить пивка».

В тот же самый момент звонок ознаменовал окончание четвёртого урока.

Тихиро хотела что-то сказать, но воздержалась и ушла с крыши.

— ~Потом как-нибудь~

Пока что данный вопрос он не решил.

И сегодняшний день не ознаменовался никаким прогрессом.

Но Сората искал ответ всем сердцем.

— Ладно, давайте сперва поедим.

<http://tl.rulate.ru/book/22233/686190>